

Инна Бачинская

Детектив
сильных
страстей

Женщина
в голубом

Детектив сильных страстей. Романы И. Бачинской

Инна Бачинская
Женщина в голубом

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Женщина в голубом / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2020 — (Детектив сильных страстей. Романы И. Бачинской)

ISBN 978-5-04-115898-9

Когда-то Олег Монахов по прозвищу Монах, называющий себя экстрасенсом и волхвом, был заядлым путешественником, но после автомобильной аварии ему пришлось на неопределенный срок задержаться в городе. Спасают его только частные расследования, который он ведет совместно со своим другом, журналистом Алексеем Добродеевым. Город потрясла серия жестоких преступлений – сначала погиб известный шоумен и организатор конкурсов красоты Яник Ребров, а через пару дней была найдена мертвой его девушка Анфиса. Параллельно с майором полиции Мельником Монах и Добродеев начали собственное следствие и поняли: следы преступлений ведут в художественную галерею, где все они совсем недавно присутствовали на презентации работ знаменитого американского художника Марка Риттера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115898-9

© Бачинская И. Ю., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Инна Юрьевна Бачинская

Женщина в голубом

Роман

*...Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.
На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»
Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.*

Николай Гумилев. «Ужас»

*Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Бачинская И. Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

*Не знаю почему, но сердце замирает,
Не знаю почему, но вся душа дрожит...*

А. Апухтин. «Предчувствие»

Женщина, нагнувшись, пытаясь разобрать цифры, набрала код и проскользнула в подъезд. Вбежала на третий этаж, невольно оглянулась и прислушалась.

Все было тихо. Дом спал.

Она взглянула на часы, было двенадцать пятьдесят семь.

Позже ей часто снились эти цифры: единица, двойка, пятерка и семерка. Тысяча двести пятьдесят семь...

Почему ночью? Что за нелепые фокусы? Она чувствовала злобу и тоску, ей казалось, что капкан захлопнулся и ей не выскочить. И сны в последнее время снятся...

Сбежать? Все бросить и сбежать? Куда? Некуда бежать.

Чего он хочет? Сказал, поговорить. Дурацкая, нелепая случайность...

О чем? О чем... Разве она не знает, что ему нужно? А что ему нужно было раньше? Что же делать? Что?

Она вдруг осознала, что стоит перед знакомой дверью, не решаясь...

Он сказал, ухмыляясь: «Ключик не потеряла?»

Откуда он знал, что она не посмела выбросить проклятый ключ, что прятала его со всякими безделушками, этот проклятый золотой ключик. Как будто знала...

Она приложила ухо к двери и застыла, прислушиваясь.

За дверью было тихо.

Она достала из сумочки ключ и попыталась вставить его в замочную скважину.

Ключ, скрежеща, скользил по замку – она никак не могла попасть в замочную скважину, так дрожали руки.

Как агнец на заклании, всплыла слышанная когда-то фраза. Агнец, заклание, конец...

Он испортил ей жизнь однажды, сейчас он сделает это снова. Капкан захлопнется.

Первый раз ей удалось вырваться, теперь он возьмет свое. Она, дуреха, думала, что вырвалась, но ошиблась. Она помнит свой ужас, когда неожиданно увидела его, помнит, как уставилась на него... Как удав на кролика! Потом мгновенное облегчение – он ее не узнал! А потом он позвонил и сказал...

Он смеялся! И она поняла, что он узнал ее! Узнал с самого начала, но играл, как кот с мышью, издевался, как раньше, как всегда. Даже то, что он заставил ее прийти ночью...

Она опустила руку в сумку и нащупала нож. Вскрикнула, уколотившись, отдернула руку, сунула палец в рот, почувствовав сладковато-соленый вкус крови. Кровь... как предчувствие. Бежать! От него не убежишь...

Ей удалось наконец открыть дверь, и она, снова оглянувшись, вошла.

В прихожей горел свет. Дверь в гостиную была распахнута, и там тоже горел свет.

Ждет гостей!

Она позвала его, но ей никто не ответил. Она остановилась на пороге гостиной, но войти не решилась. Там было пусто. Ей было не по себе. Она снова позвала его, и снова ей никто не ответил. Она шла, вспоминая, где кухня. Возможно, он там.

Дверь в ванную комнату была раскрыта, свет горел и здесь. Она застыла на пороге, закрыв рот рукой, удерживая вопль.

Картина, представшая ее глазам, напоминала фильм ужасов. Мужчина лежал в кровавой ванне – запрокинутая голова, свисающая с края рука, красная лужа на белом коврикe...

Она с трудом удержалась на ногах, чувствуя, как наливается чугуной тяжестью затылок, как с пронзительным визгом, причиняя нестерпимую боль, вонзается в виски сверло и меркнет в глазах. Она оперлась рукой о стену, чувствуя, как подкатывает тошнота. Закрыла глаза, пережидая приступ.

Очнувшись, метнулась к выходу, цепляя плечами стены, оступаясь и скользя на паркете; упала, ударившись виском о край тумбочки, и потеряла сознание...

...Она пришла в себя от холода. Она лежала на полу, ее колотил озноб. Из полуоткрытой входной двери тянуло ледяным сквозняком. С трудом она встала на колени и, цепляясь за стену, поднялась.

Потрогала голову, почувствовала боль и отдернула руку.

В квартире по-прежнему было очень тихо и пусто. В тишине вдруг проступил мерный стук капли – где-то далеко капала вода... или кровь?

В сознании ее промелькнула картинка: человек с запрокинутой головой лежит в кровавой воде, торчащая рука, под ней красная лужа. В ушах стучало мерно и страшно...

Женщина выскользнула из квартиры – оглушительно хлопнула дверь, и она, вскрикнув, помчалась вниз...

Глава 1

Неистовость

*Все проходит...
Велешем судьбы я ввергну в мрачный склеп,
Окутан сумраком таинственно-печальным...*

Шарль Бодлер. «Мрак»

Его разбудил какой-то звук. Он открыл глаза – в спальне царил полумрак – и увидел низкий потолок с поперечной трещиной. перевел взгляд на окно, прикрытое пестрыми шторами, через которые просвечивал неяркий утренний свет. Задержал взгляд на картине на стене напротив кровати – полуголые женщины, опахала из страусовых перьев, черные мальчишки-служки...

Он испытывал растущее чувство оторопи и недоумения. Повернул голову и отпрянул, из горла рванулся хриплый звук, не то ругательство, не то возглас изумления.

Рядом с ним лежала женщина. Он приподнялся на локте, чтобы рассмотреть ее, и застыл, резко втянув воздух, не веря глазам, чувствуя, как мерзким комом подступает к горлу дурнота.

Она лежала неподвижно, полутвернувшись, с разбросанными в стороны руками, небрежно прикрытая, а вокруг – на подушке, простыне, брошенном полотенце – везде! – страшно краснели пятна...

Он сразу понял, что это кровь. Сел рывком, отодвинувшись на край кровати, не в силах отвести взгляд от ее тела, все еще не веря...

С ужасом заметил нож, полускрытый простыней, – в глаза бросилась прозрачная наборная из разноцветного пластика рукоятка. У него был такой же, с пружиной, подарок приятеля-сидельца; по молодости он иногда таскал его с собой, больше для понтов.

Он протянул руку, чтобы взять нож, но не решился, и рука застыла на полпути. Долгую минуту он тупо сидел с протянутой рукой; голова была тяжелой, в затылке и висках страшно и тяжело бил молот.

В нос вдругшибанул сладкий, приторный запах крови, и едва он успел вскочить, как его стошнило. Мерзкая воючая масса исторгалась наружу с кашлем и рычанием, из глаз лились слезы, и боль раздирала горло и грудь.

Закрыв глаза, держась за спинку кровати, он приходил в себя. Сердце било набатом, и ему казалось, что от ударов сотрясаются стены незнакомой и чужой комнаты.

Он охнул от внезапного резкого сигнала мобильного телефона, испытав страх почти животный. Серебристый аппаратик лежал на полу у комода, вереща и мигая, словно чей-то подсматривающий взгляд.

Мужчина смотрел бессмысленно и не шевелился. Потом взглянул на лежащую в кровати женщину, словно надеясь, что она проснется.

У него мелькнула мысль: кто звонит ей в такую рань? Или будильник? Мелькнула и тут же исчезла.

Он наткнулся взглядом на окровавленные тряпки, снова схватился за спинку кровати и закрыл глаза, переживая вновь накатившую тошноту.

Телефон наконец заткнулся, и наступила жуткая тишина.

Он поспешно подобрал с пола одежду и на ватных ногах пошел из спальни. Не взглянув на женщину.

Она была ему незнакома. Спальня была чужой. Запахи жилья были чужими. Небогатая мебель, скрипящие половицы, пестрые шторы – все было чужим.

Он поспешно оделся и подошел к окну, пытаясь понять, где находится. Чужой двор был пуст, на лавочке у подъезда никто не сидел. Он прислушался – ему показалось, он слышит голоса. За стеной действительно бубнили голоса, не то жильцы, не то телевизор.

Он достал из кармана мобильный телефон, часы показывали десять минут седьмого. Нужно немедленно убираться! Еще немного, и народ потянется на работу.

Он почти не помнил, как попал сюда, не помнил, был ли на машине. Нет! Они приехали на такси! Да, на такси.

Вчерашний вечер, минуту назад стертый из памяти, возвращался кусками. Он опять перебрал и... сорвался? Ему нельзя пить. А кто... эта? Он был уверен, что никогда раньше ее не видел... Откуда она взялась?

Память возвращалась рывками. Он увидел картинку – высокая девушка с длинными светлыми волосами пытается выдернуть каблук из щели люка и взмахивает руками, чтобы не упасть.

Лица ее он вспомнить не мог. Только длинные светлые волосы. И голос. Она что-то сказала... кажется, чертыхнулась. Увидела его и попросила помочь...

Такая глупость, сказала, прямо капкан, не дай бог, сломался каблук!

Низкий, негромкий голос... Он не терпел женщин с фальшивыми детскими голосами.

Красивая. Так ему показалось.

У него мелькнула мысль, что надо бы вернуться и рассмотреть ее хорошенько или проверить документы, чтобы узнать, как ее зовут...

Может, она живая... Живая?

Он сделал шаг по направлению к спальне и остановился, вспомнив неподвижное тело, кровь...

«Убирайся», – приказал себе. Пока не вернулся... не вернулись... кто там с ней живет? Подруга? Тот, кто звонил? Пошел вон!

Он осторожно открыл входную дверь и прислушался.

На лестничной площадке было тихо. Через тусклое окно наверху пробивался неверный свет.

Он ступил через порог, осторожно закрыл за собой дверь и скатился вниз. Выскочил из подъезда и зашагал со двора под прицелами воображаемых враждебных взглядов, которые ощущал кожей.

Он прошел несколько кварталов, никем не остановленный, не привлекая ничьего внимания.

Улица была ему незнакома – обычный спальный район. Народу было немного, и был он опухший и заспанный.

Он подумал, что ничем не выделяется, такой же опухший и несвежий, несмотря на дорогой костюм. Он попытался отряхнуть пиджак, только сейчас заметив пыль на рукаве, и увидел, что руки испачканы красным.

Потрясенный, он поднес их к глазам, не желая верить, надеясь, что ему кажется. Преодолевая приступ паники, он стоял на нетвердых ногах, держа перед лицом испачканные ладони, чувствуя тошнотворный запах крови, задерживая дыхание, чтобы прекратить спазмы в желудке.

Почти без сил он упал на скамейку в каком-то жалком сквере. Достал телефон, набрал номер.

Там откликнулись сразу.

– Роб, у меня проблемы, – с трудом выговорил он.

– Ты? Что случилось? Ты где?

– Не знаю. Улица Космонавтов, тут какие-то ремонтные мастерские...

– Космонавтов? – удивился тот, кого называли Робом. – Как тебя туда занесло? Это же пригород! Что случилось?

– Роб, мне нужна помощь, – перебил он. – Можешь приехать? Я не хочу вызывать тачку. Тут сквер с фонтаном, рядом дом пятнадцать. Жду.

...– Я ничего не помню! – Носовым платком, намоченным в грязной воде бассейна, он снова и снова тер ладони, пытаясь оттереть кровь. – Я не помню, как мы добрались до ее дома, я не помню, как ее зовут... Помню только, что бармен вызвал такси, мы сели, и она сказала адрес. Проснулся утром, а она рядом в крови...

Они сидели в машине Роба.

– Подожди, что значит в крови? Ты ее избил? Или... что?

– Не знаю! – в отчаянии выкрикнул мужчина. – Не помню. Я перебрал вчера и, наверное, сорвался...

– Подожди. Ты видел нож или... что-нибудь? Может, она живая! Кто она такая?

– Не знаю! – В голосе мужчины звучало отчаяние. – Там был нож... кажется... Не знаю! Кажется, был... Я сразу ушел. Она была вся в крови и не шевелилась. Я даже не помню, как ее зовут!

– Давай вернемся, посмотрим, может, ничего страшного...

– Нет!

– Ладно. Я отвезу тебя домой, вернусь и посмотрю сам. Приведи себя в порядок. Я позвоню. Дверь заперта?

– Нет. Не знаю... Я просто прикрыл. Не помню... Что ты собираешься делать? – Они смотрели друг на друга. – Нас видели в баре, какие-то ее знакомые, и бармен ее знает. Она заговорила со мной на улице, у нее каблук застрял, я помог, и мы зашли в бар... там рядом. Мы пили коньяк и шампанское. Если она... если я ее...

– Давай без истерики, в случае чего мы были вместе, понял? Я все сделаю и сразу позвоню. Номер дома и квартиру помнишь? И приведи себя в порядок, – повторил.

...Он отпер дверь, почувствовав мимолетное облегчение – ключ и портмоне были на месте.

Квартира встретила его гулкой тишиной. Уже неделю он был один, Лена после очередного скандала уехала к матери.

Прямо в прихожей он стянул с себя одежду и сунул в пластиковую торбу, лежавшую на тумбе; отшвырнул торбу к двери, чтобы не забыть выбросить.

Босой, нагишом он отправился в кухню. Распахнул холодильник и достал бутылку водки. Стал пить, давясь и обливаясь, избавляясь от липкого страха. Мгновенно опьянел и побрел в ванную...

До вечера он пробыл в бессознательном тяжелом забытии, между сном и явью; открывая иногда глаза, он видел над собой покачивающийся потолок. В желудке начинала царапаться голодная кошка, и он закрывал глаза.

Мысли были короткие, отрывочные, сквозь них как заклипания прорывались отдельные слова и фразы: сорвался, сошел с ума, попался на крючок, Пашка отмазал, опять...

В случае чего... что делать? Снова лечиться? Жрать сладковатые розовые таблетки, от которых выворачивает наизнанку? Или чего похуже? Второй раз не сойдет с рук...

Роб позвонил поздно ночью.

– Спишь? – спросил.

– Что, – выдохнул он, – говори!

– Все в порядке. Ты был у меня со вчерашнего вечера. Перепили, и ты остался ночевать.

Утром я отвез тебя домой.

– А... – начал было он и запнулся.

– Все в порядке, – повторил Роб. – Слышишь? Выдохни. Вольно. Потом расскажу. Устал. Спокойной ночи.

Только сейчас он перевел дух и почувствовал, что голоден. Нашел в холодильнике мясо и сыр, достал из хлебницы черствый хлеб. Стал жадно глотать, не жуя, чувствуя, как отпускает внутри туго сжатая пружина и накатывает полуобморочное ощущение эйфории.

Роб все сделал. Роб надежный друг. Они вместе с детства, он не подведет.

Он поднял с пола пустую бутылку, потряс, «выжал» пару капель и чертыхнулся.

Ленка уничтожила все запасы, дрянь! Вылила в раковину. Воспитывает.

Он сжал кулаки: убить мало! Вспомнил, что в прикроватной тумбочке, кажется, есть что-то. Коньяк!

Снова пил торопливо, обливаясь и захлебываясь. Потом свалился в кровать и уснул мертвецким сном...

Глава 2

О богах и героях

Небьющаяся игрушка полезна для того, чтобы разбивать ею другие.

Закон Ван Роя

– Суаре... Какое к черту суаре? Опять я поддался на твои репортерские заморочки! Что это такое, кстати? – недовольно спрашивал Олег Монахов своего друга журналиста Лешу Добродеева, недовольно же озираясь.

– Баранья нога! – отвечал Леша Добродеев, журналист самого популярного в городе печатного издания «Вечерняя лошадь», он же Лео Глюк.

Золотое перо отечественной журналистики, оно же бессовестное и привирающее, но кого интересует истина? И кто скажет, что такое истина?

Философы и другие ученые, даже физики с математиками, плавают в определении, прикрываясь всякими «если», «при условии» и «в случае». Из чего можно заключить, что безусловной истины не существует в природе. Аномалия. Разве что на уровне «дважды два четыре», а копни глубже – полная неясность и мрак!

Так что можно быть хорошим журналистом и при этом врать. Более того, вранье приветствуется, потому что вранье всегда интереснее голого факта. И опять-таки, вранье или фантазия?

Алеша Добродеев скорее фантазер, витающий в своих фантазиях, и что примечательно, он в них верит! Как у всякого журналиста, у него есть несколько «горячих» и любимых тем, таких, что, разбуди ночью, оттарабанит как по писаному: многоярусные подземные ходы в районе Елецкого монастыря и зарытые там клады, призраки зловещих Антониевых пещер, где он лично своими глазами видел бестелесного монаха и слышал леденящие кровь в жилах стоны, страшные преступления, загадочные убийства, а также всякие местные культурные события и сплетни. Еще летающие тарелки.

Любимое хобби, оно же маленькая слабость – страсть к публичным выступлениям, как то: открытие выставок, вернисажей, ярмарок, приветственные речи для иностранных гостей и местных юбиляров, встречи с поклонниками и продажа собственной книжки об истории города с подробным пересказом до полного выноса мозга и дарственными надписями всем желающим.

Хлебом не корми, дай... как это сейчас говорят? Попиариться! Во-во.

Леша Добродеев неутомим и подвижен, несмотря на внушительные размеры, оптимистичен и готов бежать куда угодно по первому зову. В отличие от Олега Монахова, Монаха для своих, друга и соратника, который часто мрачен, задумчив и недоволен отсутствием жизненного перца, интересных событий, количеством дураков в жизненном пространстве и часто впадает в хандру. В состоянии хандры он весь день лежит на диване, рассматривает потолок, думает и вспоминает, как он, эх, было время, каждую весну собирал неподъемный рюкзак, бросал жен и друзей и летел в пампасы, в Сибирь, в Непал, в Индию или на Алтай, задумчиво ходил босиком в благостных храмах с курящимися благовониями, ночевал в бедных лоджиях или жил в монастырях у улыбочивых безмятежных лам, убирал и рубил дрова, а по утрам любовался цветущими олеандрами на фоне заснеженных горных вершин и думал о вечности. Или подолгу сидел, набросив на плечи плед, у костра на берегу быстрого и холодного ручья, помешивая кипящую в казанке уху из выловленной собственноручно рыбешки, пробовал, добавлял соли, лаврового листа и перца. Слушал, как пошумливают верхушки столетних кедров, и думал о вечности. А потом засыпал сном праведника в палатке, и снились ему прекрасные сны,

и он улыбался во сне, правда, наутро ничего не помнил. И ни Интернета тебе, ни телефона, ни автомобилей, ни соседей, ни женского визга – одна первозданность, а из плодов цивилизации всего-навсего несколько упаковок таблеток, навязанных Анжеликой Шумейко, супругой друга детства Жорика, которая всякий раз провожала его со слезами и не чаяла увидеть снова.

Анжелика хорошая женщина, но заполошная: чуть что – сразу в крик, но при этом оптимистка и добродушная пофигистка. Так что Жорику, можно сказать, повезло, плюс трое детишек: девочки Марка и Куся и Монахов крестник маленький Олежка.

Монах лежит на диване, смотрит в потолок, вспоминает. Бродит мысленно по Сибири, один или с бродягами, беглым криминалом, браконьерами всех мастей, находя общий язык с самыми одиозными представителями человеческого отребья. Собирает целебные корни, грибы, ягоды и травы. А также рецепты народных и шаманских снадобий, заговоров и приговоров. Живет в палатке или под развесистой елкой, купается в проруби.

Однажды, потеряв тропу, он зимовал в землянке между небом и землей. Всяко было, и приятно вспомнить по возвращении в цивилизацию. И кровоточащие десны, и голод, выгрызающий кишки, и видения ангелов и дьяволов, манящих куда-то, и понимание, что все, амба! Приехали. И тут же неизвестно, откуда берущееся мощное, как ослепительный взрыв, звериное рычащее желание жить. Включающийся резерв, испытать который дано не всякому. Да и не всякий способен. Назовите это как хотите: адреналин, воля к жизни, драйв, химия, космическое второе дыхание, страсть, рык...

Кто пережил, запомнит и пересмотрит взгляды на жизнь в сторону оптимизма, а всякие жизненные ухабы и невзгоды покажутся ему сущим пустяком, уж поверьте.

Был Монах женат три раза на интересных, умных, добрых женщинах, но всякий раз наступал момент, когда он стаскивал с антресолей неподъемный рюкзак, и прости-прощай! Иногда пропадал на пару лет, а то и поболее. Возвращался задубевший, заросший, обветренный, отвыкший от цивилизации и полдня отмокал в ванне у гостеприимных Жорика и Анжелики, поливая себя шампунями и гелями, потому что брошенная жена на тот момент была замужем за другим.

Она бы с радостью вернулась, только позови, но Монах не звал. Он любил начинать сначала. Жизнь, работу, любовь.

Работа! Любимый препод в политехническом университете, восхищение студентов, готовая докторская, не сегодня-завтра защита – и вдруг все рухнуло в одночасье.

Рецидив утомления от цивилизации, острая фаза. Докторская побоку, что тем не менее не мешает Монаху рекомендоваться доктором физико-математических.

Маленькая человеческая слабость, кто из нас без греха?

Он стащил с антресолей рюкзак и...

Дальше по накатанной. Какая, к черту, докторская, если бес странствий толкает под локоть и посылает сны с картинками быстрой говорливой речки, столетними кедрями, цветущими олеандрами и заснеженными горными вершинами. Просыпаешься утром, а в груди тоска, и «глаза б мои не видели» ни толпы, ни вонючих механизмов на дорогах, ни соседа, уснувшего в лифте. А взять академические склоки? Лучше и не брать. Ребята, правда, хорошие, неглупые, понимающие. Куда потом это все девается, и на место чистого юношеского идеализма и горения приходит приземленность и погрязание в быте? Идиотские риторические вопросы, на которые много разношерстных ответов, но ни одного в формате «да-нет».

Приятно вспомнить посиделки под пивко в припортовом баре, треп о политике, судьбах мира, смыслах, споры с косноязычными работягами-докерами. Да-да в паршивой вонючей забегаловке в речном порту, а не в понтовом кафе где-нибудь в центре. Страсть к истокам и низам, так сказать.

Монах ностальгически вздыхает и трогает шрам под ключицей.

Да, да, и драки тоже! Вот ведь как получается – здесь думаешь про костерок у быстрой речки и «гори оно все пропадом», а там вспоминаешь...

А вот теперь подробнее, пожалуйста! Что вспоминает человек на берегу быстрой речки в полном уединении, без единой человеческой души на сотни км?

Деревья, звезды над головой, уха булькает, кто-то любопытный шуршит в кустах...

А? Как-то и вспомнить особо нечего. Не потому, что забылось, а потому что потерял интерес.

Неинтересно стало. Все неинтересно. Коллеги неинтересны. Кафедральные свары, даже драки в припортовом кабачке с претенциозным названием «Ностальгия»...

Ностальгия! Седло на корове.

В этом месте Монах всегда ухмыляется – грязноватая, воняющая разлитым пивом, затянутая сизым папиросным дымом шумная забегаловка, работяги в грязных робах, хриплые голоса и ненормативная лексика...

Романтика! Нет, драки можно вспомнить, очень даже. Драки вспоминаются с... ностальгией! Как упоенно они дрались! Вечный антагонизм, высокомерные ухмыляющиеся интеллектуалы против простых матерящихся работяг, а выпустив пар, мирились, утирали кровь и сопли и жадно принимали к литровым кружкам.

Эх, хорошо было! Это, пожалуй, можно вспомнить, это всегда интересно, типа, были и мы рысаками. А что еще? Любовь, ладно, тоже можно. Первая женщина... Черт! Кто? Как звали?

Монах копается в памяти, но, увы! Ушло, кануло...

Свадьба? В первый раз по неопытности, с толпой гостей с той стороны – а как же, а что люди скажут! Крики «горько», стриптиз-поцелуи, нетрезвые гости, звяканье стекла и пение частушек...

Помнится же всякая лажа. Ладно, что еще? Как под пиво разрабатывали с Жориком план умыкания ценной картины с виллы нуворишей, во всех деталях, ночью, со спорами и прикидками, стараясь предусмотреть всякие неожиданности, получая кайф от процесса, почти забыв о результате.

Еще – как в детстве мчались с Жориком на моторке отца, поднимая волну и вызывая проклятия рыбаков на берегу, и орал им: «Не давай зажирать!»

Вот и получается: детство, дружба, драки, треп за жизнь и немножко любовь. Творчество и риск.

Кстати, о грабеже. Грабеж прошел безукоризненно с технической стороны, но потерпел фиаско с общеобразовательной и культурной.

Учите магчасть, одним словом. Но все равно, это было дерзко и прекрасно!¹

Сейчас он на такое не способен, увы. Не в смысле хапнуть, что плохо лежит, а придумать такой прекрасный план и предусмотреть всякие мелкие детали. А драйв! Он до сих пор помнит ощущение опасности, мурашек по спине и восторг... Эх!

Время разбрасывать и время собирать, как говорится. Жизнь неторопливо тащится на наезженной колее, все нормально, никакого драйва – да и кому он нужен, – и ничего не предвещает, так сказать, но в один прекрасный момент появляются вдруг поволока и тоска в глазах Монаха, и смотрит он вдаль и отвечает невпопад.

Анжелика только руками всплескивает и горестно повторяет: «Опять? Вожжа под хвост? Сейчас сбежит! Жорик, скажи ему!»

«А чего я? Я ничего! – отвечает друг Жорик. – Я говорил, но ты же его знаешь!»

И добрая самаритянка Анжелика мчится в аптеку и закупает таблетки, раскладывает их в пакетики и надписывает: «от головы», «от температуры», «от горла и живота»...

---

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Ошибка бога времени».

Монах толст, дружелюбен и полон снисходительного любопытства к человечеству. Когда он, прищурясь, рассматривает вас, вам немедленно хочется выложить ему сокровенное и признаться в совершенной пакости. А почему? Потому что он волхв.

Да, именно! Монах совершенно искренне считает себя волхвом. Не смейтесь!

Жорик тоже смеялся, а потом понял, что есть что-то. Есть! Анжелика приняла это что-то сразу. Добродеев, несмотря на шашни с пещерами и призраками, долго сопротивлялся, но в конце концов признал, что, да, ладно, возможно... черт его знает и «как ты это делаешь»? Тут и чтение мыслей, и выявление тайных желаний и вранья, и предчувствия, и просчитывание вариантов с всегдашним попаданием в десятку.

Было время, Монах практиковал как целитель и экстрасенс, и народ тянулся к нему и верил. А потом ему надоело и он бросил.

Рано или поздно он все бросает и улетает, как перелетная птица.

Увы, увы. Все в прошлом. Монастыри, заснеженные вершины, булькающая речка и размышления о смыслах.

Примерно год назад на Монаха наехал какой-то козел с купленными правами, причем на зебре, в результате у него была сломана нога, а потому прощайте, пампасы, и здравствуйте, депрессия и ипохондрия.

Уж как ни пытался записной оптимист Леша Добродеев, воробьем прыгающий по жизни, развеселить друга всякими дурацкими историями и городскими сплетнями, как ни пытался вытаскивать его на разные фестивали, карнавалы и мероприятия в честь знаменательных дат, Монах уперто не поддавался, а если все-таки поддавался, то все время ныл и жаловался.

Тем более вместо растянутой футболки и удобных китайских тапочек приходилось надевать костюм, бабочку и жмущие туфли и подравнивать бороду.

Леша даже подарил ему красивую трость с серебряным набалдашником в виде собачьей головы. Монах трость принял и собачью голову внимательно рассмотрел, но настроения она ему не подняла, даже наоборот, дала понять, что теперь он жалкий никому не нужный обезноженный калека с костылем.

Куда делся энергичный, деятельный, предприимчивый Монах с жизненным кредо: «Гни свою линию», в смысле: «Пусть пляшут под твою дудку» или: «Бери быка за рога». Куда? Был да весь сплыл. Все в прошлом. Пережито, забыто, характер портится и, главное, растет живот.

Но всегда есть лучик надежды на то, что проснется интерес к жизни, что произойдет в городе страшное событие и полиция окажется в тупике, и Леша Добродеев, который всегда в курсе, скажет: «Христофорыч, это для твоих серых клеточек, а эти, как всегда, в тупике».

Монах непременно махнет рукой: куда, мол, мне, но глазки вспыхнут.

Они и познакомились, между прочим, раскручивая дело об убийстве девушек по вызову и путаясь под ногами у следствия².

Дела давно минувших лет...

Нет, ну была еще парочка дел, интересных для математика и психолога. Была. А сейчас тишина, полный штиль и депрессия.

Добродеев, у которого душа болит за Монаха, орлом мчит на место преступления, как только слышит, но всякий раз оказывается обычный мордобой и бытовуха, и органы могут справиться самостоятельно...

---

² Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Маятник судьбы».

Глава 3

Красивая жизнь богемы

*Я презираю спокойно, грустно,
светло и строго
Людей бездарных: отсталых, плоских,
темно-упрямых.*

Игорь Северянин. «Рядовые люди»

В данный момент Монах и Добродеев присутствуют на открытии ежегодного художественного вернисажа «Ветка паду́ба», детище мецената и владельца художественной галереи, спонсора и «проталкивателя» молодых незащищенных талантов Артура Ондрика.

Несколько раскрученных имен, много новых, и обязательно изюминка – полотно кого-нибудь суперизвестного, из личной коллекции, приобретенное за баснословные деньги, о чем упоминается невзначай.

При чем, спросит читатель, паду́б к нашим широтам, тем более дело не под Рождество, а осенью, откуда подобная претенциозность?

У тех, кто знаком с Артуром Ондриком, подобных вопросов не возникает. Артур – меценат, как уже было упомянуто, и художник в душе со своим особым видением, а также добрый самаритянин, безвозмездно помогающий молодым талантам. Одним словом, человек незаурядный и полный всяческих добродетелей. Не без мелких слабостей, конечно.

Артур, как и Леша Добродеев, да и любой околбогемный персонаж, любит покрасоваться, выпятить собственные достоинства, подчеркнуть собственную значимость, повторяя при этом: «Ну, что вы, я самый обыкновенный скромный человек, к чему эти излишества и на моем месте любой... точно так же!»

Ну, есть в нем это, есть. Маленькая человеческая слабость, причем не самая худшая.

...– Баранья нога! – сказал Леша Добродеев.

– Суаре – это баранья нога? Ты уверен? – усомнился Монах.

– Некий персонаж «Пиквикского клуба» спросил, что такое *суаре*, и ему объяснили, что это вечер с бараньей ногой. Он очень удивился: никогда не слышал, говорит, чтобы баранья нога называлась «суаре». – Леша Добродеев хихикнул, но на лице Монаха не дрогнул ни один мускул. Он не читал Диккенса, считая его многословным, а юмор несмешным, как и английский юмор вообще. – Ладно, тогда пусть будет прием, – разочарованно сказал Леша. – Просто прием или раут. Без бараньей ноги, но с шампанским и канапе. Причем для городского бомонда.

Журналист несколько тщеславен, правда, никогда в этом не признается.

– Терпеть не могу бомонд, – проворчал Монах. – Одни понты и выпендрож. Паду́б! – Он фыркнул. – Лично я либерал, демократ и разночинец. И вообще, какого черта я здесь делаю? Шампанское терпеть не могу, пива нет. Канапе... тьфу! Куда ты меня привел?

– Я привел тебя посмотреть на людей и на картины, а то ты вконец одичал. Артур купил две новые картины американского авангардиста Марка Риттера, нашего земляка, между прочим. Его вывезли из страны еще ребенком. Он умер три года назад в возрасте девяноста лет. Есть вещи, которые нужно знать. Одна картина называется «Любовь и вечность»...

– Скелет с красной розой? – предположил Монах.

– Нет. Женщина в голубом тумане, в полутонах, символ надежды и обещание. С оранжевыми кругами и углами. Очень атмосферно, между прочим. Артур страшно гордится, правда,

супруга закатила ему скандал, приревновала, решила, что она похожа на его первую любовь. Кстати, тоже интересная история! – Леша хихикнул. – Они то сходятся, то расходятся...

– Атмосферно! – фыркнул Монах. – Небось денег жалко, какая, к черту, ревность. Сколько?

– Двести штук зеленых.

– Сколько?!

– Это искусство, оно бесценно, – менторским тоном заявил Добродеев. – Я дал материалец в «Лошади», помнишь? А вторая – речной пейзаж, то, что запомнил ребенок, – маяк на обрыве, мост...

Монах дернул плечом и не ответил.

Живопись заинтересовала его постольку-поскольку, даже меньше, так как всякий раз при взгляде на картину он вспоминал, как они с Жориком Шумейко, поиздержавшись и сидя на мели, «брали хату» с целью умыкнуть некое полотно девятнадцатого века.

Картина оказалась подделкой, и у Монаха при воспоминании о неудаче загорались уши и портилось настроение.

Впрочем, читатель об этом уже знает. Теперь, когда вокруг висели по стенам несколько десятков картин, настроение Монаха стремительно летело вниз. Пессимизма добавляло то, что он как последний лох позволил графomanу из «Старой клячи» надеть на себя ненавистную бабочку и затащить на чертов вернисаж.

«Там приличное общество, лучшие люди города, художники и актеры, интеллектуальная и бизнес-элита, – зудел Добродеев, – без бабочки никак, надо соответствовать!»

Хотя, если честно, ворчал Монах исключительно для виду, прекрасно понимая, что время от времени нужно делать над собой усилия, давать пинка и подниматься с безразмерного дивана, а то вконец одичаешь и потеряешь социальные навыки. И бабочка тоже усилие, победа над собой – ведь не силой же Добродеев надевал ее на шею Монаху. Тем более под бородой ее все равно не видно.

Кстати, Монах еще и дипломированный психолог – случился как-то порыв разобраться в себе и окружающих, наклеить ярлыки и просчитать поведенческие алгоритмы, и он занялся психологией.

В итоге понял, что эту науку может вполне заменить богатый жизненный опыт, кругозор и клепка в голове. Потом увлекся экстрасенсорикой и целительством, затем все бросил.

– Что он за персонаж? – спросил Монах, наблюдая передвижения мецената и хозяина галереи по залу.

– Артур? Ну, как тебе... – замялся Добродеев. – Начинал как архитектор и дизайнер, поднялся на строительстве замков для нуворишей, знаешь, такие, с башнями, флюгерами, красной черепицей. Ходили слухи, – Добродеев понизил голос, – что он крутит с левыми стройматериалами, а разницу кладет себе в карман. Но ему простится, он много делает для начинающих художников. Галерея досталась ему за копейки, это бывший конференц-зал Дома профсоюзов. Ну, конечно, вложил прилично. Сейчас приторговывает картинами. Гибкий, непотопляемый, проскочит между капельками...

– Какой-то он... – Монах запнулся в поисках слова. – Какой-то он лакированный! Так и сверкает, как ходячая реклама. Картинами он торгует... тоже мне бизнес!

– Все мы ходячие рекламы. Чего-нибудь выпьешь? – спросил Добродеев, не подозревая о тягостных воспоминаниях приятеля, навешанных картинами.

– Шампунь? – с отвращением сказал Монах.

– У меня тут знакомый бармен, сейчас сбегая, спрошу вискарика, будешь?

– Буду, – Монах хмыкнул, представляя себе бегущего журналиста. – Вискарик буду. Возьми тару побольше.

Он наблюдал, как крупный и внушительный... Да что там и к чему это кокетство и эвфемизмы! Скажем прямо: толстый! Крупный, внушительный и толстый Добродеев, властно раздвигая толпу, направляется к стойке бара, где крутился тонкий и гибкий малый, похожий на молодую щучку и вкуче на актера Адриена Броуди.

...– Где она? – спросил Монах, когда они со стаканами виски протолкались к картине американского авангардиста.

– Да вот же! – воскликнул Добродеев, взмахивая рукой. – В белой раме.

– Где женщина? – повторил Монах. – Не вижу! Где она?

– В каком смысле?

– В смысле лица, рук, бюста... и вообще, – пояснил Монах. – Не вижу. Туман вижу, синие и оранжевые круги вижу, женщину не вижу.

– Ты слишком прямолинеен, искусство – не фотография, а творчество, ты просто не готов! – Добродеев попытался отодвинуть Монаха от картины, но тот уперся.

– Я не готов? – Монах допил виски. – Я готов и хочу женщину! Только не надо заливать, что он так видит. Этот... как его? – Монах нагнулся над табличкой. – Марк Риттер! Постойка! – Монах вдруг замолчал, раздумывая. – Он умер в девяносто, а картина написана десять лет назад, получается ему тогда было под восемьдесят... Восемьдесят! Это объясняет туман, круги перед глазами и отсутствие женщины!

– Христофорыч, ты не прав! – Добродеев оглянулся, прикидывая, как оттеснить Монаха от прислушивающейся толпы. Ему было стыдно за друга. – Это авангард, это не для всех!

– Леша? Леша Добродеев? – раздалось у них над ухом. – Рад, рад! Любуется моей женщиной?

– Артур? – радостно изумился Добродеев, как будто присутствие организатора выставки у главной картины такое уж невиданное дело.

Мужчины обнялись и троекратно облобызались. Монах наблюдал с живейшим интересом.

– Мой друг, профессор Монахов. Мой друг Артур Ондрик, меценат и галерейщик, – представил их Добродеев.

– Весьма! – Монах щелкнул каблуками.

– Польщен, – сказал Артур. – Как вам моя женщина?

– Честно? – сказал Монах, почесав под бородой.

– Это замечательно! – затрепетал Добродеев, пытаясь заслонить собой Монаха. Но заслонить Монаха еще никому не удавалось. – Ничего подобного не видел, поздравляю, веха в исторической перспективе развития города... – зачастил Добродеев, но Артур перебил его, с интересом разглядывая Монаха:

– Честно!

– Я потрясен! – Монах закатил глаза. – Никогда ничего подобного! Он ваш родственник?

– Кто? – опешил Артур.

– Марк Риттер! Очень *атмосферно* и тонко! Зритель накладывает свое личное видение на его видение, и в итоге все видят совершенно разные вещи. Очень концептуально.

– Именно! Вы удивительно точно ухватили суть, господин Монахов. Леша сказал, вы профессор. Дайте угадаю. Философия?

– Математика, – влез Добродеев. – И психология.

– Леша всегда меня хвалит, – укоризненно попенял Монах. – Можно Олег, без официоза.

– Психология и математика! – воскликнул Артур. – Удивительное сочетание. Не все понимают, а я, когда увидел... не поверите! Кроме того, наш земляк. Все на его личном сайте. Биография, взгляды, творчество. Марка вывезли из страны еще ребенком, но всю жизнь он помнил родину, и его картины – отголоски детской памяти. Все это проступает еще отчетливее

на втором полотне, тут вообще все размыто, словно в тумане, но узнать можно. Река, луг за рекой...

Добродеев кивал, внимая. На физиономии Монаха читался вопрос: каким боком авангардная женщина к детской памяти? Уж скорее погремушка или самокат. Кормилица с бюстом, на худой конец. Пейзаж – ладно, сюда можно прилепить любой ярлык: сны, мечты, воспоминания...

– Какие люди! – вскричал громкий мужской голос у них над ухом. – Артур! Леша Добродеев! А это... – Мужчина повернулся к Монаху: – Неужели господин Монахов? Сколько лет, сколько зим! Вы как, по делу или как любитель? Интересуетесь живописью? Насколько я помню, вы частный детектив? Надеюсь, картинки чистые? Или краденые? – Мужчина радостно заржал, давая понять, что шутит. Было видно, что он с трудом держится на ногах.

– Не смешно, – холодно сказал Артур после небольшой заминки. – Все бумаги в порядке.

– Господин Речицкий? – Монах пожал протянутую руку. – До сих пор помню ваше нефilterованное пиво. Как бизнес?

– Пиво! Эка хватил! У меня теперь конезавод в Сидневе, приезжай, покажу. Приглашаю всех. Завтра же. И журналюга пусть приезжает, из «Лошади»! И ты! – Он хлопнул по плечу Артура и захохотал.

– Я занят! – холодно сказал Артур.

– Спасибо! Давно хотел написать о лошадях, – обрадовался Добродеев. – Мы приедем.

– Жду. А лошадей твой гений не рисовал? Мне бы для кабинета картинку.

– Эта подойдет, – сказал Монах, кивая на «Женщину». – При некоторой доле воображения на ней можно увидеть голубую лошадь.

Речицкий снова расхохотался и схватил Артура за рукав:

– Может, продашь? Сколько?

– Не продается, – процедил сквозь зубы Артур, отдирая от себя руку Речицкого.

– Ну и зря. А пейзажик? Хотя нет, пейзаж мне и даром не нужен. Что пьем? Вискарик? Зачетно! Пошли, я угощаю! – Он приобнял Добродеева, увлекая его к бару.

– Вы частный детектив? – Артур повернулся к Монаху. – Это правда?

– Громко сказано, – заскромничал Монах. – От нечего делать, люблю решать задачки и головоломки.

– Официально?

– В смысле, есть ли у меня лицензия? Лицензии нет, просто помогаю иногда... знакомым. Полиция не хочет вникать, а мне нравится покопаться.

– На этом можно заработать?

– Понятия не имею. Наверное, можно, раз они существуют. Еще могу репетитором. Вообще-то, я совладелец фабрики пищевых добавок...

– «Зеленый лист»? Знаю. Моя жена все время покупает у вас на сайте, худеет.

– Честное слово, все абсолютно безвредно, – заверил Монах.

Артур рассмеялся. Было видно, что он постепенно приходит в себя после общения с Речицким.

– Вы хорошо его знаете? – спросил он.

– Виделись один раз, совершенно случайно. – Монах понял, что Артур спрашивает о Речицком. – Он угостил меня своим пивом. Красное пиво, должен заметить.

– Скотина и хам! – раздул ноздри Артур. – Как напьется, так и лезет на рожон. Пару лет назад его чуть не убили в драке, и ничего! Отлежался и снова полез. Да и трезвый дрянь-человек. И его миньон, этот... двуликий Янус с идиотскими шуточками! Я бы не удивился, если бы в один прекрасный момент ему припомнили все. Дима Щука до сих пор не может успокоиться, он остался должен ему приличную сумму. А Речицкий – городской псих! Не завидую его лошадям.

Теперь рассмеялся Монах. Он не понял, кто такой двуликий Янус, и подумал, что надо будет спросить у Добродеева...

Он нашел Добродеева в компании Речицкого и незнакомого мужчины, которого звали Кирилл Юшкевич.

– Купил мое пиво! – сообщил Речицкий. – Теперь спрашивай с него. Между прочим, у него жена красотка, где-то тут. Везет мужику.

– Мы знакомы, – холодно произнес Кирилл.

Был это красивый белобрысый мужчина с зализанными назад волосами и с видом весьма высокомерным.

– Не припоминаю, – сказал Монах. – Но все равно рад.

– Мы встречались насчет вашей фабрики, я присматривал...

– Вспомнил! – воскликнул Монах. – Вы хотели ее купить.

– Помню вашего партнера... Георгий, кажется?

– Жорик! Точно. Он потом сказал, какой замечательный человек! Сразу видно, из центра. Вы, кажется, не из местных? Переехали... дайте вспомнить!

– Не важно, – перебил Речицкий. – Переехал и переехал. Ларочка! – вдруг закричал он, бросаясь в толпу, неспешно фланирующую мимо. Выхватил молодую темноволосую женщину в синем платье, обнял, расцеловал. – Это Ларочка, прошу любить. Кирилл, где ты нашел такое чудо?

Женщина вспыхнула и смутилась. Высвободилась из рук Речицкого, взглянула на мужа. Тот исподлобья мерил бизнесмена взглядом.

– Это Олег Монахов, это Леша Добродеев, ваши верные почитатели, правда, господа? – Речицкого несло.

Он был изрядно на взводе, и чувствовалось, что еще немного, и он взорвется. Добродеев заверил, что правда поцеловал Ларе ручку и забросал вопросами, как ей тут, в нашем скромном городишке, и если нужна помощь, то ради бога! Он всегда распускал хвост при виде красивой женщины.

– Бывали у нас раньше? – спросил Монах, с удовольствием ее разглядывая.

– Нет, – Лара улыбнулась. – Кирилл бросил монетку, и вот мы здесь. Мне у вас нравится. Река, луг... все время люблюсь с балкона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.